

КИМ ВЫСОЦКИЙ

РЫЖИЙ БЕС

РАССКАЗ

Эта история была predetermined двумя бутылками спирта и природным жизнелюбием Николая Васильевича. В среде горных рабочих-проходчиков поисковой партии, ежемесячно обременённых тревогами о возможной несправедливости в оплате труда, Николай Васильевич слыл бесшабашным весельчаком и неутомимым рассказчиком. Но шутком он не стал. Что-то в его хитрой улыбке бывалого жилистого человека предохраняло от этой незавидной роли. За его постоянно сияющий золотой зуб он уважительно был наречён Клыкком.

Чёрт его знает, каким образом в многомесячной изоляции от мира и его соблазнов из случайного разнотравья людей геологических партий вдруг создаётся весьма здоровое общество, где каждый занимает место по своей истинной цене.

Следует заметить, однако, когда высшее руководство решило продолжать оценку рудоносной зоны зимой, Клык пожелал угнездиться подальше от базы партии, выбрав намечаемую отдельную хижину на юге зоны, в шести километрах от общего зимовья. Домишки строили собственными силами и закончили по морозу и обильным снегопадам лишь к октябрю. Самую скверную хижину, маленькую и низкую, смастерили по лености Клык и К⁰.

ВЫСОЦКИЙ Ким Алексеевич родился в 1938 году в Гатчине. Окончил Свердловский горный институт по специальности “геология и разведка радиоактивных и редких металлов”, работал в системе “Главтюменьгеология” на Приполярном и Полярном Урале, в системе Средне-Волжской комплексной геологоразведочной экспедиции. Занимался вопросами строения крупных платформенных структур и металлогенической оценкой территории. С 1993-го по 2000 год возглавлял участок региональных работ в “Волгагеологии”. Разработал нетрадиционную модель строения и развития региона и новый подход к оценке перспектив ведущих полезных ископаемых и нефти. Имеет множество наград.

Начались однообразные дни проходки канав с бесконечными салютами взрывных работ. В напарники Клык взял себе огромного молчаливого татарина Фёдора, с неясной биографией, и малорослого проходчика-взрывника Петра Лаврентьева — человека случайного, сорвавшегося на Север из какого-то городка Тульской области.

Долгими вечерами под свет керосиновой лампы и отблески огня из железной печки Клык частенько развлекал свою компанию монологами о богатой событиями его непутёвой личной жизни, порой для разнообразия пугая Лаврентьева случаями зверства неизвестных свирепых хищников, особенно налегая на трагические встречи с бурундуками.

Время катилось в работе, и к Новому году вертолётom доставили ящик спирта и разную праздничную ерунду вроде конфет, печенья и китайских яблок. 31 декабря утром на базу прибыл и Клык со своими отшельниками. Узнав о спирте, он целый день, болтая и веселя публику, тайно мучился решением сложной арифметической задачи — как поделить 20 бутылок спирта на 36 человек, зная, что эти вычисления волнуют всё сознательное общество. Под вечер Клык, нахально сверкая зубом, заявил начальнику партии, что он, Николай Васильевич, и его соратники решили праздновать отдельно, в собственном доме, и им троим, заслуженным отшельникам, по высшим арифметическим расчётам положено две бутылки спирта. Добившись своего, они навьючили на старого мерина по кличке Рыжий Бес, который зимовал на базе, продукты и ушли, оскорбив общество своим глубоко безразличным поступком. Ушли к перевалу тропой, наезженной в тайге многомесячными лыжными поездами, и путь их причудливо подсвечивала поднимающаяся полная луна.

Эти отщепенцы вернулись на базу через день, вызываяще скрипя валенками и копытами по морозному вечернему снегу.

— Что, Клык, спиртиска не хватило? — крикнули ему навстречу.

— Да они его ещё по дороге к избе выпили! — гоготали другие.

Клык независимо похлопал по мохнатому, как у мамонта, боку Рыжего Беса:

— Его, старика, пожалели. Второй день голодный, а нашу похлёбку не жрёт.

Мерина кормили сеном, сброшенным для него прессованными тюками с Ан-2.

Подумав немного, Клык с простецкой дружелюбной улыбкой нераскаившегося мошенника заявил:

— Ну, мужики, попали мы в непонятное!

И под хохот собравшихся рассказал о новогодних приключениях. В предновогодний вечер они долго поднимались к перевалу отрога горы Турман-Нел, таща в поводу ленивого мерина. На перевале с редкими кедрами, заваленными снегами, наломав лапника, сели перекурить. Первые оказавшись в полнолуние высоко в горах, они увидели чёрное, почти беззвёздное небо, омытое лунным светом, немыслимую белизну водораздельных пространств и восставшие белесые вершины гор. Лишь на востоке, откуда они пришли, по склонам гор чернела тайга, понижаясь в бесконечность. Что-то тревожное поднималось в душе — в этом обиталище неведомых богов из детских, давно позабытых сказок не было места для человека.

Как средство спасения потрясённый Клык достал бутылку и с тихим торжеством произнёс:

— Вышьем! А кто хочет, тот снегом зашьёт.

И облегчение от непонятных тревог пришло. Они растворились в нечеловеческом великолепии и, возможно, приобщились к богам. Во всяком случае, все трое презрительно щурились в сторону покинутого зимовья, где за столами избёнок, пропахших мокрой одеждой и табаком, кто-то там пил пошлый спирт и ничего не видел, кроме бревенчатых стен. Они пытались найти слова приобщения, но слова, возгласы и рассказы хотя и были, как им казалось, возвышенными, но безнадежно земными.

Лаврентьев пытался передать красоту развала вдрызг нудного семейного житья, Клык вспоминал, как о чуде, игру на трубе в похоронном оркестре, и только Фёдор тихо поведал о своей детской любви к давно забытой бабушке.

Расплата пришла неотвратимо, когда они решили скатываться с перевала к своей, пока ещё далёкой избушке. Они то и дело слетали с тропы и тонули в глубоких снегах. Лишь Рыжий Бес не сбивался с пути, терпеливо ожидая, когда они в очередной раз выберутся на тропу. Никто из них толком не помнил, как они пришли к своему жилищу и когда потеряли вторую недопитую бутылку. Обледенелые, с пересохшими от снега и жажды глотками, с обожжёнными морозом руками, они ввалились в родное зимовье и умудрились растопить печь.

Клык проснулся часа через два от тишины и холода, сразу вспомнив о спасительном мерине. Он растолкал напарников и выглянул наружу. Мерин стоял у двери.

— Ты у нас взрывник, Петро, а значит, начальник, — заявил он Лаврентьеву. — Ты же знаешь, что наш Рыжий на государственном балансе экспедиции? Пропадёт мерин, тебе как начальнику — срок! Его надо сберечь в избе!

Никто из слушателей не понял, как они его втащили, но они это сделали, втиснули в узкий, короткий проход между нарами и стеной с маленьким оконцем. Перед его мордой в торцевой стене висели полки с продуктами и посудой. Отогревшись, мерин решил слегка подкрепиться крупой, сухарями и комковым сахаром. На пол из отёсанных лесин с грохотом полетело содержимое полок. Затем он облегчил свою утробу и так, и эдак.

К этому времени сердобольные коноводы пришли к окончательному выводу о том, что в избушке должны жить либо они, либо этот чёртов мерин.

— Всё! — заорал Клык. — Лаврентьев! Выводи эту скотину из избы!

— Так как она задним ходом пойдёт? — робко отозвался взрывник, памятуя о своем начальственном положении. — Да и дверь ниже его ростом!

— Как завёл, так и выводи! — не совсем решительно ответил Клык.

Рыжий Бес тем временем нагло освоился в избушке и невозмутимо хрустел сухарями и сахаром, кое-что добавляя у порога.

Для всех осталось тайной, как они в полной темноте (печку и лампу побоялись разжигать) всё-таки его вывели! А как затащили? Известно только то, что вся операция завершилась поздним утренним рассветом.

Большинство слушателей сошлись во мнении, что Клык с Петром сгибали колени несчастной скотине, а Фёдор своей могучей силой толкал мерина в избушку, а затем наоборот.

На насмешки Клык потом говорил, весело показывая в улыбке свой золотой зуб:

— Зато жизнь нам спас!

В конце мая, во время таяния снегов, поисковые работы были приостановлены. Все рабочие улетели в отпуск. Клык и Фёдор из отпуска не вернулись, растворившись в огромном обитаемом мире. Лаврентьев, вернувшись, перешёл взрывником в горный отряд съёмочной партии. В августе он умер от чрезмерного употребления чифиры и был похоронен в верховьях горной речки.

Домишки зимовья за лето полностью развалились, а Рыжий Бес осенью был отправлен с каюрами в посёлок, где его по старости ободрали на корм черно-бурым лисицам зверосовхоза.